

Цзи Кай всё это время с полным удовлетворением наблюдал за его видом «идущего на героическую смерть», пока наконец не прыснул со смеху и не поцеловал его в щёку:

— Не бойся, от тебя ничего не требуется. Новый год уже близко, вот я и решил показать тебе, какая прекрасная жизнь ждёт тебя впереди.

А заодно и проверить товар. Угу. Если подумать, это действительно был первый раз, когда он по-настоящему прикоснулся к нему и ощупал. Директор Ли и впрямь оказался невероятно приятным на ощупь, вызвав полное восхищение.

— !!

Ли Вэйду сжал зубы и бесшумно затрепетал всем телом, извиваясь. Он явно хотел уклониться и сбежать, но его прижали к изголовью кровати так, что невозможно было сдвинуться с места.

Ошеломляющая сладкая дрожь и онемение разбегались по конечностям и спине. На подушку даже невозможно было опереться — тело словно перестало подчиняться разуму. Во всём мире существовали лишь горячие, слегка мозолистые ладони Цзи Кая.

Тепло рядом с ним, жар и влажность, исходившие от тяжелого дыхания мужчины, кружили голову и путали мысли. Что... что это за чувство? Его никогда ещё так не берегли, не обращались с ним так трепетно и осторожно. Это было... действительно, действительно невероятно...

Директор Ли, судя по всему, был в полном восторге. Хоть он и был напряжён до предела и до смерти смущён, но, кажется... ему действительно было безумно приятно и хорошо.

Цзи Кай, с одной стороны, торжествовал, а с другой — сглатывал слюну, изо всех сил сдерживаясь. Один бог знает, скольких усилий ему стоило подавить порыв и не усесться сверху, забрав «товар» прямо сейчас.

Так нельзя. С драгоценными зверушками нужно обращаться с предельной осторожностью. Он заслуживал самого трепетного и заботливого отношения.

— У-у...

Голос Ли Вэйду был необычайно красив. Он напоминал глубокие ноты какого-то низкого музыкального инструмента, но при этом хранил юношеские интонации — бархатистый и одновременно по-мальчишески незрелый.

Цзи Каю безумно нравился его голос. Сам он никогда не был ни фанатом красивых рук, ни аудиофилом, но прямо сейчас, тяжело дыша и сдерживая вождление, он вспомнил аварию и тот твёрдый, прохладный, успокаивающий шёпот над ухом.

Тот голос звучал подобно небесной музыке, бережно собрав его практически разбитое сердце в тёплые ладони.

А теперь... Этот хрипловатый, манящий голос принадлежал тому же человеку, но звучал совершенно иначе.

Директор Ли всегда был таким. Способный быть и властным боссом, и милым лапочкой, надёжным плечом и заботливым хозяйшкой — настоящее редкое сокровище. К тому же... хм, стоит его слегка задеть, как он начинает безудержно дрожать, это же просто невероятно мило

и весело.

Для человека, который пока не может вкусить мяса, но дико голоден, даже просто попускать слюни на аппетитный аромат — уже благо.

В улыбке Цзи Кая светилось нежное тепло. Вот так, довольствуясь крошечными ароматными крошками ради утешения, он продолжал изо всех сил ласкать и беречь своего драгоценного зверька.

Ли Вэйду с зажмуренными глазами, нахмуренными бровями и тяжелым дыханием выглядел невероятно сексуально.

Его слегка раскосые глаза вдруг приоткрылись наполовину. Хотя тело уже застыло на грани пиковой судороги, взгляд, туманный от растерянности и подспудного нетерпения, устремился на Цзи Кая.

Он хотел поцелуя.

Взгляд Ли Вэйду отчётливо говорил Цзи Каю: он жаждет поцелуя. Причём так страстно, будто умрёт, если не получит его прямо сейчас.

Цзи Кай наклонился и с нескончаемой нежностью поцеловал его.

Но это был уже не прежний невесомый поцелуй-прикосновение — он разомкнул его зубы, властно и глубоко проникнув внутрь.

Мастерство — такая вещь, которой можно учиться, а можно и не учиться. Когда не любишь человека, даже самая искусная техника останется холодной. Но когда любишь — искренне, от чистого сердца и с безграничным вдохновением придумываешь тысячу милых и страстных ласк.

— ...Так много.

Цзи Кай чуть ухмыльнулся, собираясь подразнить его флиртующей шуточкой, от которой тот ещё больше сгорел бы от стыда. Но посмотрев, как директор Ли прикрыл лицо рукой и почти полностью спрятался под одеяло, вздохнул: ладно, так и быть...

Зная, насколько директор Ли чист и наивен, поступать так плотски-подло было бы уже чересчур.

Подумать-то он так подумал, но руки всё равно крепко сжали его ещё пару раз. Трогать человека в момент чувствительного спада — действительно верх коварства! Ли Вэйду и правда снова вздрогнул, издавая тот самый жалобный, беспомощный писк котёнка, который Цзи Кай слышал когда-то очень давно.

Услышав это, Цзи Кай мгновенно подумал: хм, кажется, их будущая интимная жизнь обещает быть весьма гармоничной.

Средь бела дня жизнь казалась просто чудесной. Он снова нырнул под одеяло и прижал к себе мужчину, покрасневшего до кончиков ушей, словно варёный рак.

— Расстроился?

Весь мир Ли Вэйду окончательно перевернулся. Казалось, он лежит на облаках, одеяло

превратилось в мягкую вату, и он плывёт куда-то, абсолютно не ведая, что делать.

Он и подумать не мог, что жизнь, в которой никто не торопится скорее лечь в постель, может быть такой.

Ощущения были даже более волнующими, чем если бы всё дошло до самого финала.

Лишь спустя какое-то время он сообразил покачать головой:

— ...Ты мне нравишься.

— Цзи Кай, ты мне нравишься. Правда очень-очень нравишься.

Цзи Кай почувствовал невероятную гордость и удовлетворение. Раскинув руки и ноги, Медвежонок превратился в коалу.

В утро последнего дня уходящего года Ли Вэйду, слушая своё гулкое сердцебиение, в полудрёме грезил о прекрасном будущем в новом году.

Ли Вэйду никогда не любил нежиться в постели.

До встречи с Цзи Каем он много лет страдал бессонницей. Просыпался сам собой в четыре-пять утра и с отвращением к самому себе смотрел на предрассветное сумрачное небо. Со вздохом садился на кровати, открывал ноутбук и длинными изящными пальцами начинал стучать по клавишам, погружаясь в работу на весь день.

Цзи Кай тоже никогда не был любителем полежать подольше.

Учитель Цзи отличался строгой самодисциплиной. Каждый день он вставал с семи до половины восьмого утра, а в хорошем настроении отправлялся на утреннюю пробежку под солнечными лучами.

Как говорится, любовь развращает.

Наигравшись спозаранку с не предназначенными для детей ласками, они, сладко обнявшись, снова заснули.

Проснувшись перед самым обедом, ни один не захотел вставать. И в этой ленивой, безмятежной тишине они уютно прижались друг к другу ногами под тёплым одеялом, оперлись на большие подушки и стали смотреть телевизор.

За окном в сосновом бору шумел ветер и мелькали белки, а по телевизору шла странная дублированная на русский язык дурацкая шоу-программа талантов, вызывавшая лишь полное недоумение.

Они решительно переключили канал. На соседнем шёл довольно известный европейско-американский фильм о путешествиях во времени — правда, к сожалению, тоже с русской озвучкой.

Под журчание незнакомых звуков они пытались вспомнить оригинальный сюжет и диалоги. Ли Вэйду зевнул, с блаженным видом прислонился к плечу Цзи Кая и, прищурив узкие глаза, предался мечтам.

Хм, вернуться в прошлое и встретиться с самим собой из былых времён...

Если бы только действительно можно было вернуться.

К тому ребёнку, который в одиночестве терпел боль, терялся и метался, не зная, что делать, и думал, что жизнь бесконечно длинна и беспросветна. Он бы вытащил его из тёмного угла, отвесил бы лёгкого пинка и строго наставил: «Хватит измываться над собой без причины, не заставляй других потом за тебя переживать».

А потом обнял бы его и сказал: «Так будет не всегда».

«Всё далеко не так беспросветно и безысходно, как тебе кажется».

«В конце концов всё наладится, просто сейчас ты об этом ещё не знаешь».

«Тебе нужно лишь искренне относиться к себе и к окружающим, и даже когда накроет отчаяние и затерянность, сжать зубы и держаться, дожидаясь решения судьбы. В двадцать шесть лет ты встретишь его».

«Тот день покажется самым обыкновенным, ничем не примечательным днём».

«Не будет белой кошки, неожиданно забежавшей в дом; не будет развевающихся в ясном небе карповых флагов; не будет сияющей полной луны, яркой радуги после дождя или одинокого цветка, распустившегося в углу двора».

«Не будет ни единого предзнаменования, положенного в таких случаях. Ты, как обычно, встанешь с постели с тяжелым сердцем, равнодушно оденешься, натянешь нелепую шляпу и маску».

«Выходя из дома, ты по привычке из-за своего ОКР несколько раз проверишь, заперта ли дверь, со скрытым отвращением выругаешь себя за эти заскоки и посмеёшься над замашками сталкера».

«Ты даже подозревать не будешь, что всего через несколько часов встретишь свою судьбу».

Ли Вэйду чуть сдвинул руку.

Его пальцы соскользнули между пальцев лежащего рядом человека, переплетаясь с ними, и тот мгновенно крепко сжал его ладонь в ответ.

Подобное тихое счастье взаимной любви в последние дни дарило нежную сладость, отдающуюся от кончиков пальцев до самого сердца, словно тающая во рту сахарная вата.

На самом деле, если судьба заставила его пережить столько разочарований и мук в прошлые годы лишь для того, чтобы скопить всю удачу жизни на встрече с ним...

...тогда всё это действительно стоило того. Жаль только, что он не мог узнать об этом раньше.

Ли Вэйду хотелось добавить тому ребёнку: если бы выпал шанс начать всё с начала, было бы здорово проявить чуть больше искренности при первой их встрече.

Не стоит, восхищаясь про себя тем, какой он красивый и статный, и сгорая от злости при

мысли, где только этот мерзавец Чжу Лин отрыл такого мужчину, упрямо задирать нос, строить презрительную мину и отчаянно придирчиво выискивать изъяны в его загадочном гардеробе и слишком откровенной одежде.

Впрочем, если подумать, хоть летом и жарко, ходить по улице в столь открытом виде и правда было немного...

Хм, пожалуй, стоило припугнуть его заранее. Уж очень не хотелось, чтобы его разглядывал кто-то ещё!

Достав с прикроватной тумбочки дорожную сумку, директор Ли нашёл водонепроницаемый чехол с белочками, купленный недавно в туристическом месте, и аккуратно надел его на загранпаспорт Цзи Кая.

<http://bllate.org/book/18382/1767814>